

МИЛО ЕЛЕСИЕВИЧ
ЛЮБОМИР СТОЯДИНОВИЧ

РАТКО МЛАДИЧ, ТРАГИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 355
ББК 63.3(0)64–68
М72

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с французского — Анатолий Иванов.

Елесневич, М., Стоядинович, Л.

М72 Ратко Младич, трагический герой. — М.: Тотенбург, 2024. — 260 с.

Кто этот человек, обвиняемый в геноциде, которого разыскивают все полиции мира? Кто это — генерал, окруженный ореолом побед, для своего народа — легендарный воин, уважаемый равными, грозный для врагов, оказавшийся в положении беглого убийцы, которого преследует Гаагский Трибунал?

Впервые на русском языке эта книга рисует без предубеждений и идеализации портрет самой харизматичной и самой противоречивой личности десятилетия войны на Балканах.

УДК 355
ББК 63.3(0)64–68

© А. М. Иванов,
перевод с французского, 2024
© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пьер-Мари Галлуа</i> ОН РАСПЛАТИЛСЯ ЗА ТО, ЧТО ЗАЩИЩАЛ СВОЙ НАРОД	5
<i>Патрик Барриот и Ева Крепен</i> ЧЕСТЬ ГЕНЕРАЛА МЛАДИЧА	13
<i>Луи Дальма</i> БЫЛ ЛИ «ВОЕННЫМ ПРЕСТУПНИКОМ» ДАВИД, СРАЖАВШИЙСЯ ПРОТИВ ГОЛИАФА?	26
<i>Мило Елесиевич</i> РАТКО МЛАДИЧ. ТРАГИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ	49
<i>Любодраг Стоядинович</i> РАТКО МЛАДИЧ — ГЕРОЙ ИЛИ ВОЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК?	69
Коммунизм и Православие	72
Пушки, король и пехота	78
Страх и восхищение.....	83
Отношения между Сербией и Республикой Сербской	86
Конфликт между Караджичем и Младичем.....	90
«Если мы отвергнем этот план, мы выиграем войну»	98
Драма пилотов	105
Основы его мышления.....	113
Невероятные решения	117
Дипломатия в военное время	125
Пригвожденный к позорному столбу Гаагским трибуналом	139
Сербский сапог, опанак	148
Гаага и ее галерея преступлений	155

Поймать Младича!	163
Магия и забвение.....	180
ХРОНОЛОГИЯ ВОЙНЫ В БОСНИИ	
1992–1997.....	187
1992 ГОД.....	187
1993 ГОД.....	188
1994 ГОД.....	189
1995 ГОД.....	190
1996 ГОД.....	194
1997 ГОД.....	200
<i>Мило Елесиевич</i>	
БОСНИЙЦЫ, МУСУЛЬМАНСКИЕ НАЦИСТЫ, МОДЖАХЕДЫ И БЕН ЛАДЕН	203
Исторические связи мусульманского фундаментализма с нацизмом.....	208
Алия Изетбегович.....	216
«Исламская декларация» и политическая программа партии Изетбеговича США	218
США организует войну в Боснии и Герцеговине.....	227
Правительство Клинтона создает в Европе новое мусульманское государство	231
«Терпимый» ислам	239
Связи с Усамой бен Ладеном	243
Связи с 11 сентября.....	245
Другие моджахеды из Боснии.....	247
Сербы в Боснии	248

ОН РАСПЛАТИЛСЯ ЗА ТО, ЧТО ЗАЩИЩАЛ СВОЙ НАРОД

Пьер-Мари Галлуа¹

«Повидайтесь с генералом Младичем», — сказал мне президент Чосич в заключение долгой беседы, происходившей у него в Белграде. Это было в середине июня 1993 года. Первый семестр этого года был отмечен важными событиями, жертвами которых стали народы Федерации, распад которой ускорила Германия.

План Оуэна-Вэнса был отвергнут. Хотя Караджич считал его неприемлемым из-за множества предусматриваемых им анклавов, перегоронок и коридоров, он мог стать предметом новых переговоров, если бы, к несчастью, Совет Безопасности не принял резолюцию, разрешающую использование силы против тех, кто нарушает закрытую для полетов воздушную зону над Боснией — это была антисербская мера. Ассамблея боснийских сербов отвергла таким образом этот план, положив конец усилиям тандема Оуэн-Вэнс, что повлекло за собой отставку последнего. В начале этого года хорватские силы атаковали Сербскую республику Краина (провозглашенную в 1991 году), продолжались столкновения между хорватами и мусульманами. Вне Югославии кампания дезинформации и систематического очернения сербского народа обогатилась новыми темами, при-

¹ Генерал Пьер-Мари Галлуа — известный французский геополитик. — *Прим. перев.*

думанными для того, чтобы оправдать насильственное вмешательство в югославские дела (политика Запада по отношению к Востоку на практике была политикой лжи и лицемерия; после Белграда жестокий удар был нанесен по Багдаду).

Гуманист, патриот, политик, а также великий писатель Чосич говорил мне, что он опечален тем, что искусственно раздуваемая враждебность западных держав выносит общественный приговор его народу. Генерал Младич в разговоре со мною уточнил расстановку сил. Мы встретились с ним в предместье Белграда, он жил в скромной квартире в двухэтажном доме. На первом этаже было нечто вроде мастерской, где собирались его командиры.

«Этот человек производит впечатление как своим ростом, так и пылкой убедительностью его речей. Его голубые глаза глядят вдаль поверх собеседника, он читает свою миссию на стене бесконечности. О его широких и горячих ладонях можно сказать, что они окрепли, орудуя лопатой или мотыгой, прежде чем взялись за пулемет и сжали командирский жезл. Я видел перед собой крестьянина, привязанного к своим полям, своему дому, своему добру, ко всем своим соотечественникам. Шуан? Шуаны сражались за сохранение королевства, а он — за Федеративную Социалистическую Республику Югославия», — писал я в книге «Кровавая нефть: Босния» (издана в 1996 году, с. 183).

Благодаря Александру Радовичу была сломана языковая стена. Его совершенный перевод обеспечил полное взаимопонимание при наших спорах.

После приветственных слов и краткого представления французского гостя генерал Младич выразил свое сожаление по поводу политики Франции,

которая в союзе с Германией разрушает Югославию, возникшую в результате дорого обошедшейся победы Парижа над Берлином. Мы не можем больше «любить Францию так, как она любила нас», — сказал он, вспоминая текст, выгравированный на монументе, воздвигнутом в честь Франции в Белграде. «Европейская конструкция» сделала Францию вассальным государством, а Югославия жестоко расплачивается за это. Младич опасался американского вмешательства, бомбежек, он считал, что географические особенности его страны, способность ее бойцов к сопротивлению, опыт партизанской войны, победа над Вермахтом — побудят «коалицию» очистить оккупированную территорию. Но что можно сделать против массированных атак с воздуха, влекущих за собой множество жертв среди населения, и без того ослабленного и разрозненного экономической блокадой?

«Я ненавижу войну! — воскликнул Радко Младич. — Я воюю, потому что я хочу, чтобы мои близкие жили в мире, чтобы они были независимыми и свободными, чтобы они обладали суверенитетом, чтобы их уважали, чтобы никто не мог снова им угрожать. Нищета, страдания, смерть — к этим словам сводится вся история сербов: оттоманская оккупация, войны между оккупантами, между славянами, наши междоусобные войны — таковы наше прошлое и наше настоящее. Нам грозят уничтожением. Мы не хотим расчленения Югославии. Нас вынудили собрать на том же пространстве два миллиона наших рассеянных братьев, которые теперь живут на чужих землях, где они считаются гражданами второго сорта... Нас обвиняют во всех преступлениях, не обращая внимания на преступления, совершаемые против нас. Мне

вынесли общественный приговор, потому что мои люди и я сражались на земле, которая всегда была нашей, за единство сербской нации. Мы не требуем ничего, кроме того, что много веков было нашим».

На мои попытки найти объяснение тому, почему Балканы в огне и в крови, прежде всего, в ущерб сербскому народу, Младич ответил мне, что ценой почти миллиона жертв немецких и хорватско-мусульманских карательных акций участники югославского сопротивления, в большинстве своем сербы, сковывали 15 немецких дивизий, которые очень нужны были Фюреру на русском фронте. Этот важный вклад в победу над нацизмом заслуживает признания и теперь, полвека спустя.

Эта защитная речь продолжалась до ночи. Ее прервал телефонный звонок: тысяча солдат и 5000 беженцев из Хорватии просили генерала Младича срочно защитить их: их позиции в районе Травинка атакованы мусульманскими силами.

«Мне надо ехать как можно быстрее организовывать конвой автомашин для эвакуации этих гражданских лиц из Хорватии, а также для того, чтобы открыть военным путь для возвращения на более гостеприимную территорию, — сказал мне Младич, поправляя свою портупею, перед отъездом в Хан Пьесак, где находилась его штаб-квартира». «Надо спасти этих людей, — сказал он мне, — прикрыть их огнем будет мало». И рождающаяся заря поглотила его машину. Он спешил на помощь людям, которых он называл хорватами, но с хорватами он сражался, скорее это были сербы, изгнанные из Краины.

На следующий год, будучи в Сараево, я смог констатировать, что этот город вовсе не осажден сербскими силами, как было «принято» верить и го-

ворить, а был разделен на два сектора, один сербский, другой хорватомусульманский, и они обстреливали друг друга из пушек и пулеметов.

Когда я пробегал по т. н. «аллее снайперов» с одним французским лейтенантом, он доверительно сказал мне, что ситуация в Сараево совсем не такая, какой ее описывают во Франции, это сплошная дезинформация.

Когда я был приглашен в Пале для встречи с президентом Караджичем, тот еще надеялся на сохранение эмбарго на поставку оружия (предназначенного для боснийских мусульман и добровольцев, приехавших на Балканы из разных арабских стран). Он был счастлив, узнав, что делегация французских парламентариев отправляется в Белград, он хотел видеть в этом признак возобновления традиционной франко-югославской дружбы.

Вернувшись в Париж, я послал письмо господину Караджичу, благодарил его за теплый прием и за то, что он облегчил перемещения по сербскому сектору Сараево. Это письмо, правда без моего ведома, было опубликовано в одном сербском журнале, а один чиновник из аппарата министра обороны, господина Шарля Мильона, некто Шоссандр, счел за благо призвать меня к порядку за то, что я будто бы нарушил мой долг резервиста. Этот бюрократ не мог вообразить, что четыре месяца спустя французское правительство обратится ко мне с просьбой использовать то доверие, которым я пользуюсь у Караджича и Младича, чтобы узнать о судьбе двух французских штурманов, которые попали в плен после того, как они бомбили сербские позиции и их самолет был сбит, и если они еще живы, добиться их освобождения. Не было больше речи о «долге резервиста».

После того как я снова встретился с Караджичем в Пале, я смог снова увидеться с генералом Младичем на его командном пункте в горах.

«Прежде чем начать разговор по существу о цели вашего визита, — сказал он мне, — я хочу показать вам мою родную деревню Калиновики, которую приказал бомбить ваш генерал Жанвье. После этого я перестал искать ваших летчиков. На долгое время меня отстранили от участия в переговорах в Дейтроне. Никаких поисков больше не было».

— Что надо сделать, чтобы возобновили поиски?

— Если высокопоставленный французский военный согласится со мной встретиться, — сказал он, минуту подумав, — мои войска воздадут ему воинские почести, и рукопожатие устранил все тяжелое и спорное во франко-сербских отношениях.

— Но в Париже не знают, живы ли двое наших летчиков. Или вы покажете этому высокопоставленному французу два гроба?

— Уверю вас, — сказал он мне, — они живы и здоровы.

Закончив свою миссию, я в тот же вечер доложил в Париж. Это было 17 ноября 1995 года. Пришлось ждать более трех недель, прежде чем «высокопоставленный французский военный» прибыл в Югославию, встретился с Младичем, пожал ему руку и увез на родину двух штурманов.

Ни автор этих строк, ни сербский генерал не могли вообразить, что печальная история этого экипажа, самолет которого был сбит, станет поводом для грязной политической и финансовой комбинации. Младич попросил лишь небольшую компенсацию, но в Париже ему приписали массу требований,

включая финансовые, чтобы можно было оправдать выплату воображаемого выкупа неизвестно кому.

Несомненно, по приказу, поскольку дезинформация была единодушной, СМИ развернули лживую кампанию, чтобы оправдать поведение властей. Прикидываясь ничего не знающим о великодушном поступке генерала Младича, министр обороны Шарль Мильон грозил ультиматумом. Двое журналистов из газеты «Фигаро», Ж-К. Галли и Рено Жирар, с которым у меня не было никаких контактов, писали о «ряде французских эмиссаров, в числе которых был генерал Галлуа, посланных, чтобы попытаться добиться освобождения пилотов. Все они вернулись ни с чем, объясняя, что требования боснийских сербов были невероятными». Все это было чистой воды клеветнической выдумкой. Как уверял Фредерик Понс (*Valeurs actuelles*), «возвращения наших пилотов и подписания мира удалось добиться только благодаря твердой позиции правительства и угрозе применения силы». Это еще одна выдумка. Ту же дезинформацию выдала газета *Journale du Dimanche* от 10 декабря, и годы спустя повторил журнал *Le Point* (19 января, 2001 год).

Стратегия лжи, которая широко используется США, чтобы придать хоть какую-то видимость законности разрушению Ирака, практиковалась и с начала Балканского кризиса. Чтобы оправдать агрессию НАТО, надо было очернить народ-жертву, его руководителей, всех, кто оказывал сопротивление, вынести им общественный приговор. Осуждение Младича, как и Караджича и Милошевича, было пародией на международный суд, подлинники зачинщики конфликта остались для него людьми с чистой совестью.

Для сербов Младич — национальный герой, потому что он не переставал сражаться за их право жить вместе на своей земле и быть абсолютно независимыми. Французы должны понять, за что сражаются сербы, и оценить их великодушие — они освободили экипаж «Миража-2000», который бомбил их страну.

ЧЕСТЬ ГЕНЕРАЛА МЛАДИЧА

Патрик Барриот и Ева Крепен

В тот час, когда мы пишем эти строки, судьба генерала Младича является предметом позорной сделки, которая совершается на Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии (МУТЮ). Но кто этот человек, которого все хроникеры «справедливых войн», собравшись в кондиционированной прихожей прокурора МУТЮ, наперебой клеймят и обзывают «Балканским мясником»? Книга, которую вы держите в руках, пытается ответить на этот вопрос с максимальной строгостью и объективностью. Мы, со своей стороны, стремимся показать, как прокурор МУТЮ искажает исторические факты, изображая этого сербского генерала каким-то чудовищем, чтобы представить боснийское мусульманское сообщество невинной жертвой.

Прежде всего необходимо помнить два правила. Первое из них сформулировал Жак Эллюль: «Когда в обществе слишком много говорят о чем-то человеческом, это значит, что того, о чем говорят, не существует. Если слишком много говорят о свободе, это значит, что свобода подавляется». Мы добавим от себя: если слишком много говорят о международной справедливости, это значит, что международной справедливости не существует. Второе правило тесно связано с первым: любой легкий консенсус по сложной проблеме, несомненно, является результатом манипуляций с общественным мнением. Когда все или почти все взваливают на одно сообщество

всю ответственность за гражданскую войну на Балканах, это результат усиленной дезинформации. И в самом деле: исторические выдумки прокурора МУТЮ, которые СМИ распространяют *urbi et orbi*, встречают общий восторженный прием, это свойственно простым идеям.

Чтобы сербы выглядели в глазах мирового общественного мнения кровавыми дикарями, надо очистить их противников от совершенных ими ужасных преступлений и жестоких провокаций. Так, Насер Орич был осужден всего на два года тюрьмы за массовое истребление жителей сербских деревень в районе Сребреницы на протяжении трех лет, с 1992 по 1995 год. Практически он был оправдан и с триумфом вернулся в столицу Боснии. Насера Орича изображает романтическим героем «Дневни Аваз», первая газета Сараево, близкая к главной мусульманской партии (СДА). Ужасные карательные акции боснийско-мусульманской милиции Насера Орича несут прямую ответственность за жажду мести, которая привела к трагическим событиям 11 июля 1995 года. Следует напомнить, что в земле вокруг Сребреницы лежит столько же трупов православных сербов, сколько трупов мусульман. Несколько десятков свидетелей, выступающих перед МУТЮ, оспаривали версию событий в Сребренице, которую изложила Карла дель Понте. Почему же СМИ замалчивают их показания, которые выявляют противоречивость ее версии и предвзятость ее анализа досье?

Насер Орич был оправдан «за отсутствием доказательств» массовых убийств, совершенных боснийской мусульманской милицией в сербских деревнях в районе Сребреницы. Генерал Морийон, свидетельство которого невозможно оспорить, сказал, что

Насер Орич сам признавался, что при его непосредственном участии были совершены ужасные массовые убийства, в частности Кравице (муниципалитет Братунац) в январе 1993 года, в ночь на православное Рождество. На протяжении трех лет, с 1992 по 1995 год, эскадроны смерти Насера Орича истребляли женщин, детей и стариков. Согласно их традиции, они насаживали на острия пик отрезанные головы! Послушаем генерала Филиппа Морийона: «Насер Орич, который командовал боснийскими вооруженными силами в этом анклаве, сам признавался, что вел, опираясь на этот анклав, войну, которая привела к массовому истреблению сербского населения соседних деревень. Он стал для сербов врагом номер один из-за его участия в акции, которую они никогда не смогут ему простить, произошедшей в ночь на православное Рождество, в священную ночь, в январе 1993 года, когда он провел рейд на сербские деревни и совершил массовые убийства... Убитым отрезали головы. Ужасные массовые убийства совершались солдатами Насера Орича во всех соседних деревнях».

МУТЮ не стал затруднять себя объединением доказательств этих жестокостей. Подборка доказательств многое говорит о предвзятости этого трибунала. Недавний факт, события, произошедшие в мае 2006 года, в этом плане весьма поучительны. Вот как об этом рассказывала на своих страницах одна известная газета: «В столкновениях, в которых было много раненых, противостояли друг другу полиция ООН и косовские албанцы, которые заблокировали доступ в одну деревню этой провинции, чтобы не пустить туда двух сербских адвокатов. Полиция сопровождала двух юристов, членов команды, аккре-

дитованной при МУТЮ, в деревню Мала Круша (юг провинции). Полиция была вынуждена пустить в ход слезоточивый газ, чтобы рассеять протестующих».

Неудивительно, что доказательства виновности Насера Орича не были объединены! Если сербским адвокатам, аккредитованными при МУТЮ и сопровождаемым полицией ООН, мешают вести расследование, легко можно представить себе, в каких условиях работали те, кто не был аккредитован. Все делалось для того, чтобы облегчить расследование преступлений, в которых обвиняли сербов, и воспрепятствовать расследованию преступлений боснийских и албанских мусульман. Насера Орича признали виновным только в том, что он не воспрепятствовал убийствам и жестокому обращению с сербскими военнопленными, содержащимися в Сребренице. Отметим, что такие формулировки регулярно применяются лишь в тех случаях, когда речь идет об убийцах сербов. В декабре 2005 года Анте Готовина был обвинен МУТЮ лишь в том, что он «не воспрепятствовал убийству 150 гражданских сербов». Ловкий прием отмазки этих преступников от ответственности! Рассмотрим теперь, какие смягчающие вину обстоятельства пошли на пользу Насеру Оричу.

Первое смягчающее обстоятельство согласно МУТЮ: Насеру Оричу было тогда 25 лет, у него «не было административного и военного опыта». Насер Орич родился в 1967 году, закончил военную службу в Югославской народной армии в 1986 году в чине капрала. Весной 1992 года был назначен начальником территориальной обороны (ТО) в Поточарах. 27 июня 1992 года Сефер Халилович, начальник генерального штаба армии Боснии и Герцеговины (АБиХ), назначил Насера Орича начальником

ТО Сребреницы. С января 1994 года Насер Орич командовал 8-й операционной группой АБиХ в Сребренице, переименованной в начале 1995 года в 28-ю дивизию 2-го корпуса АБиХ. Таким образом, с весны 1992-го до лета 1996-го Насер Орич de jure и de facto был командующим боснийских вооруженных сил в районе Сребреницы. Генерал Морийон подтверждает, что Насер Орич получал приказы из Сараево, от президентского совета Боснии. Он был награжден орденом «За заслуги» и «Золотой лилией», высшей наградой, врученной ему начальником штаба АБиХ. 12 июля 1994 года Насер Орич был возведен в бригадные генералы. Командуя 28-й дивизией 2-го корпуса, генерал Насер Орич получил высшие награды от исламистского правительства в Сараево, но заслужил милость судей за свою «неопытность в военном деле». Остановимся на минуту на послужном списке таких генералов гражданской войны, как Насер Орич или Анте Готовина. В благодарность за свои преступления такой проходимец, как Насер Орич, быстро поднялся из капралов в генералы.

Столь же быстро назначенный генералом хорватской армии Анте Готовина был преступником, совершавшим вооруженные грабежи, он расхищал фонды и торговал оружием. Менее чем за год этот капрал Французского иностранного легиона стал генералом хорватской армии и военным преступником. И «генерал» Готовина, как и «генерал» Орич, получил индульгенцию за свою «военную неопытность» и незнание законов войны; не зная их, он и не мог их соблюдать.

Второе смягчающее обстоятельство согласно МУТЮ: Насер Орич командовал «плохо обученными добровольцами, которые не служили в армии».

Хотелось бы знать: милиционеры, которые наводили ужас на сербские деревни в районе Сребреницы, были «плохо обученными добровольцами», которых можно приравнять к гражданским лицам, или это были боснийские солдаты ТО Сребреницы, переименованной в 8-ю операционную группу, а потом в 28-ю дивизию 2-го корпуса АБиХ? Если даже МУТЮ путался, то как генерал Младич мог различить врагов во время самых жарких боев в июле 1995 года? Он, напомним, убивал только мужчин призывного возраста.

Третье смягчающее обстоятельство согласно МУТЮ: «Общий хаос и бегство всех властей повлекли за собой распад общества в Сребренице» — это снимает с Насера Орича вину за его преступления. Или бегство властей (имеется в виду бегство «генерала» Насера Орича) и вызванный этим хаос были частью макиавеллевского плана правительства в Сараево, которое добровольно пожертвовало Сребреницей? Президент Изетбегович хотел спровоцировать вмешательство западных стран на стороне боснийских мусульман? Надо было вызвать удары НАТО по сербам, чтобы снять осаду со столицы, снова занять сербские предместья Сараево и вытеснить противников из «кармана» вокруг Бихача. Так и было сделано. Насер Орич, ответственный за оборону Сребреницы, сдал город сербским войскам по приказу президента Алии Избетбеговича. Это смягчающее, а скорее отягощающее вину обстоятельство — хаос и бегство были частью настоящего военного плана. Генерал Филипп Морийон говорил об этом не раз, без каких-либо околичностей, как в своих интервью, так и в своих книгах и перед следственной комиссией парламентариев: Сребреница была при-

несена в жертву боснийским мусульманским правительством в Сараево, президент Алия Изетбегович оставил ее беззащитной перед лицом наступавших сербских войск, пылавших жаждой мщения, исходя из «высших интересов» исламистского государства. Вот что говорит на эту тему генерал Филипп Морион: «Я убежден, что население Сребреницы пало жертвой государственных соображений, но это были соображения тех, кто сидел в Сараево и Нью-Йорке... Я не боюсь сказать, что Сараево умышленно спровоцировало эту драму. В ней виновны президент Изетбегович и Насер Орич, который выполнял его приказы».

Каждое «поминовение жертв 11 июля» в Сребренице проходит под аккомпанемент СМИ и непременно сопровождается заявлениями Карлы дель Понте. Так, на последней традиционной церемонии 11 июля она опять угрожала Белграду санкциями, если генерал Младич не будет выдан в ближайшее время. Через несколько дней после триумфального возвращения Насера Орича в Сараево ее заявление выглядело как оплевывание сербских могил в районе Сребреницы, в частности в Кравице. Несколько дней спустя, в пятницу 14 июля 2006 года, начиная процесс семи боснийских сербов, которых судили за участие во взятии Сребреницы, Карла дель Понте заявила: «В начале этой недели я посетила мемориал в Поточарах, когда отмечалась одиннадцатая годовщина бойни в Сребренице. Меня окружали тысячи людей в трауре, в основном женщины». Адвокаты защиты сразу же заявили протест: такая «эмоциональная» речь не должна произноситься накануне объективного изучения досье. Но такова хорошо продуманная стратегия Карлы дель Понте: за не-

имением доказательств она играет на эмоциях. Что можно сказать об объективности прокурора, который твердо стоит на стороне мусульманских жертв и не упускает ни одного случая оскорбить память сербских жертв?

Другое любимое досье Карлы дель Понте также используется при взаимодействии бюро генерального прокурора и организаторов печальной церемонии в память о бое на мосту в Вербанье 27 мая 1995 года, единственном прямом столкновении между французскими и сербскими солдатами. Любопытно, что Сулейман Тихич, председатель президентской коллегии Боснии и Герцеговины, решил недавно (чтобы отметить одиннадцатую годовщину!) отдать почести двум французским солдатам, погибшим при штурме этого моста. Подчеркнем, что речь ни в коем случае не шла о засаде, это был открытый бой, французские солдаты получили приказ взять под контроль этот мост. Исламистское правительство в Сараево воздавало почести этим двум французским солдатам, потому что они погибли в бою против сербских войск генерала Младича, но не тем десяткам французских солдат, которые были коварно убиты мусульманскими снайперами. Удивительно, что французские власти приняли участие в столь «выборочном» чествовании. Жертвы боснийских мусульман, будь то сербы или французы, не заслуживают почестей, а их убийц МУТЮ милует. СМИ упоминает только мусульманские жертвы, внушая идею «православного Зла», поскольку действие антисербских антител начинает ослабевать.

Понятие «совместных преступных действий» юридическая конструкция, созданная МУТЮ ad hoc, позволяет обвинять сербских руководителей в пре-

ступлениях, которые они лично не совершали. Так, в обвинительном заключении по делу генерала Младича Карла дель Понте не употребляется глагол «совершил», потому что Ратко Младич не совершал физически преступлений, в которых его обвиняют, она использует термин «совместные действия», подразумевающий, что сербский генерал принимал участие в «совместных преступных действиях», а значит, несет личную ответственность за все карательные акции против врагов. Таким образом, все сербские власти автоматически становятся участниками «совместных преступных действий» и поэтому несут ответственность за все преступления, совершенные в зоне их влияния. Зато мусульманские власти никогда не несут ответственности за преступления, совершенные их союзниками и подчиненными, которые систематически квалифицируются как «неконтролируемые элементы». Этот двоякий подход МУТЮ можно резюмировать так: сербы планировали преступления и руководили убийствами, а мусульмане, несмотря на свою добрую волю, никогда не могли предотвратить преступления, совершенные неконтролируемыми элементами!

В июле 1995 года генерал Младич штурмовал город, имевший большое стратегическое значение, который, как он думал, хорошо защищен и вооружен. В «демилитаризованной» Сребренице была расквартирована, как мы уже говорили, 28-я мусульманская дивизия. Генерал Младич никоим образом не намеревался расправиться с населением Сребреницы, он хотел нейтрализовать террористическую милицию Насера Орича, которая уже несколько лет удерживала этот город. Он намеревался схватиться врукопашную с вооруженными людьми. Ге-

нерал Морийон и голландский полковник Томас Карреманс подтверждают, что целью генерала Младича было обеспечение безопасности региона, а не взятие города и не этническая чистка. В действительности он попал в ловушку Изетбеговича: оборона Сребреницы была обезглавлена вследствие бегства Насера Орича, и взятие города неизбежно повлекло за собой убийства, потому что памятны были ужасные преступления, совершенные милицией боснийских мусульман, и обе общины ненавидели друг друга. Важно еще раз подчеркнуть, что солдаты генерала Младича убивали только мужчин призывного возраста, сражаясь с ними, а милиция Насера Орича убивала беззащитных женщин, детей и стариков во время своих набегов на соседние сербские села. Генерал Филипп Морийон сказал: «Младич ожидал сопротивления, но не встретил его. Он не ожидал, я думаю, что произойдет бойня, но он недооценил накопившуюся ненависть. Я не верю, что он отдал приказ... Я без колебаний говорю и пишу, что Младич попал в Сребренице в ловушку». Но для МУТЮ каждый мусульманин, погибший в Сребренице, — это беззащитное гражданское лицо, убитое сербами по приказу генерала Младича в рамках «совместных преступных действий».

Что касается боснийских мусульман, убитых в Сребренице, то МУТЮ утаивает правду о них. Где была 28-я дивизия 2-го корпуса армии БиХ в тот момент, когда сербские войска штурмовали город в июле 1995 года? Эта дивизия, которая была расквартирована в Сребренице, насчитывала около 15 000 хорошо вооруженных солдат, но люди, убитые после взятия города, были, согласно боснийским властям и СМИ, исключительно безоружными гражд-

данскими лицами. А куда девались 15 000 солдат этой дивизии? Удрали вслед за «генералом» Насером Оричем, бросив гражданское население на растерзание войскам генерала Младича, которые, они не могли этого не знать, жаждали мести? Не сводилась ли миссия 28-й боснийской дивизии к убийствам незащитных сербских поселян, а не к борьбе с войсками генерала Младича? Похоже, жертвы сербских солдат после штурма в большинстве своем принадлежали к эскадронам смерти этой «28-й дивизии 2-го корпуса» боснийской армии.

Мы несколько раз встречались с генералом Младичем, в частности, в этом страшном 1995 году. 28 июня 1995 года мы отмечали вместе с ним Видовдан в Биелине. Он написал по нашей просьбе на клочке бумаге надпись, выгравированную на памятнике в честь Калемег-дана: «Мы любим Францию, как Франция любила нас». Мы опубликовали в нашей книге «Народ, который убивают, — сербы Краины» текст речи, которую Ратко Младич произнес перед своими войсками по этому случаю. Вот отрывок из нее, в котором он осуждает мировое сообщество за то, что оно во время гражданской войны в бывшей Югославии заняло одностороннюю позицию. «В мире и даже на территории бывшей Югославии каждый народ имеет право на защиту, и ему в этом, как мы видим, даже помогают. Только сербам отказывают в праве на самозащиту, делая все для того, чтобы нас ослабить. Силы мира, которые должны были бы поддерживать мир, силой навязывают в этих регионах решения, наносящие ущерб сербам... В то время как, по идее, они должны быть нейтральными, они встают на одну из сторон, кровятельствуют ей, помогают, поддерживают и подзу-

живают наших врагов не только политическими, но и военными средствами. Это самый большой парадокс: НАТО стоит за одним из военных лагерей, действия которого санкционируются Советом Безопасности ООН. Ему открываются все дороги, обеспечиваются и охраняются коммуникации, нет никаких препятствий связям его населения с миром, и лишь к сербам применяется блокада, эмбарго, мешают даже связям на территории, на которой живет один народ. Все это делается для того, чтобы ослабить сопротивление сербов, нашу боеспособность».

Оправдание Насера Орича и давление, оказываемое на Белград с целью заставить его выдать генерала Младича, которому заранее вынесен самый жестокий приговор, подтверждает правило «двух весов и двух мер», бесстыдно применяемое МУТЮ. В начале мая «негативный» доклад Карлы дель Понте подчеркивал, что Белград плохо сотрудничает с МУТЮ, поэтому надо блокировать переговоры, имеющее целью заключение соглашения о стабилизации и ассоциации (АСА), предпосылку принятия Сербии в Европейский союз. Предвзятость МУТЮ показывает, до какой степени этот трибунал настраивается «мировым сообществом» на продолжение войны юридическими средствами вплоть до уничтожения сербской нации. В этих условиях выдача генерала Младича МУТЮ была бы равнозначна государственной измене.

В сентябре 1995 года, после падения Краины, мы снова увидели генерала Младича в Банья Луке вместе с президентом Миланом Мартичем. Мы говорили о сербских беженцах из Краины, о французских летчиках, находившихся под его защитой и освобожденных после вмешательства гене-

рала Галлуа. Но мы говорили также о Франции, он вспоминал о том, как проводил отпуск, а его жена пела песни Эдит Пиаф. Ратко Младич, вопреки тому, что пишут о нем клеветники, человек пылкий. Когда мы расставались, он вынул из кармана своей униформы горсть орехов и подарил их Еве, дав несколько советов, касающихся того благодатного воздействия, которое они могут оказать на нее и на избранника ее сердца.

Любая война — это преступление против человечности, но гражданская война самая жестокая из всех войн. У Монтерлана Гражданская война говорит: «Я не та война, которая происходит в лесах и на полях. Я война буйного форума, война тюрем и улиц, война соседа с соседом, война между соперниками и между друзьями». Генералы, вовлеченные в вихрь гражданской войны, обычно безжалостны. Я вспоминаю того генерала, участника гражданской войны в Испании, который, когда его спросили на смертном одре, простит ли он своих врагов, ответил: «Я не могу этого сделать, я приказывал всех их расстреливать». Генерал Младич, человек чести, отважный человек, нападал только на вооруженных людей, он никогда не приказывал расстреливать безоружное гражданское население.